

Часть I

ЛЮБЛЯНА

ГЛАВА 1

На левом берегу Любляницы, рядом с Трёхмостовьем, молодая женщина намеревалась сделать снимок утки. Вырисовывалась неплохая тональная перспектива: коричневое оперение птицы, за ним — дымчато-синяя река, а ещё дальше — белый снег.

Мисс Вероника Бёрч выбрала ракурс крайне удачный (ради него пришлось почти лечь — благо никто не видел!), настроила фокус. Утка будто смиренно ожидала щелчка камеры.

— Отлично, — прошептала Вероника.

Осталось дождаться, пока из кадра на заднем плане исчезнет прогулочный кораблик, тогда будет то, что надо.

И вот только речная поверхность успокоилась от последних волн, в объектив влезла чья-то тень. Вероника Бёрч выругалась, опустила фотоаппарат... и ощутила дрожь, мгновенно охватившую всё тело, как в прошлый вечер. А ведь она уже пришла в себя, поверив, что смогла скрыться от преследователя!

К ней направлялся рослый мужчина лет двадцати-сорока в натянутой до густых бровей шапке, весь в чёрном и на первый взгляд грязном — словом, бандит бандитом. Он вынул руки из карманов и что-то крикнул...

Вероника кинулась удирать. Через площадь мимо церкви францисканцев, за угол, по узкой мощёной улочке. Она услышала сдавленный крик позади — кажется, здоровяк упал. Слава тебе господи! Но, пробежав ещё ярдов двадцать, девушка, поскользнувшись, уже сама выделявала немислимые балетные фигуры на заледенелой брусчатке, затем грохнулась и на животе с визгом докатилась до крыльца аптеки. Не оборачиваясь, не выпуская камеры из рук, она подскочила, дёрнула дверь. Аптека, слава богу, была открыта.

Оказавшись внутри, Вероника перевела дух.

Преследователь остановился поодаль — девушка видела его через витринное окно. Он прислонился спиной к стене дома, руки сунул обратно в карманы, а его немигающие глаза продолжали следить за ней. Точнее, за её новенькой камерой.

Кажется, она поняла это раньше из его выкриков и жестов.

Что теперь делать? Камеру она нипочём не отдаст. Эту редкую модель из Японии она ждала целых пять месяцев.

На мгновение Вероника пришла в неопиcуемый ужас: ведь ей не встретилось ни души, пока она спасалась от бандита. А если бы аптека не работала?

Ко второму дню своего пребывания в Югославии Вероника Бёрч успела привыкнуть к некоторым из местных причуд, хотя всё ещё не могла разобраться в рабочих часах магазинов и ресторанов — казалось, эти часы менялись на ходу ежедневно.

Так что же делать?

Лицо ожидающего за окном мужчины выглядело злобным. Представить его улыбающимся было непростой задачей даже для мисс Бёрч, а ведь она — писательница,

СМЕРТЬ НА ФУНИКУЛЁРЕ

успевшая завоевать любовь читателей по обе стороны Атлантики.

Навряд ли этот мужчина гнался за ней, чтобы получить автограф...

Она была наслышана о славянской красоте. Но это касалось женщин, которых она так и не успела пока рассмотреть. А вот про местных мужчин Вероника ничего не слышала.

Её привёз сюда поезд, следовавший из Парижа, потому первыми югославами, с которыми ей довелось повстречаться, были таможенники.

Такого нипочём не забудешь.

Ночью её разбудил громкий стук в дверь купе и лай собак.

— Potni list!¹

Бывалая путешественница, Вероника, казалось, знала слово «паспорт» на всех языках мира.

— Ameriški², — бросил один из офицеров, светя фонариком, и передал документ напарнику.

Мисс Бёрч попросили выйти в коридор. Её купе первого класса обыскали вдоль и поперёк. Рылись в вещах, пролистывали книги, обследовали даже туалетные принадлежности. Но настоящий шок она испытала, когда один из пограничников выдавил половину её зубной пасты прямо на пол. Что она могла провозить в этом тюбике? Бриллианты? Её трижды спрашивали, сколько наличных денег она везёт. Трижды сверили её показания с заполненной декларацией. Вероника была уверена, что, найди они хоть один лишний цент, запрятанный в нижнем белье, её без

---

¹ Паспорт! (*словен.*)

² Американский (*словен.*).

лишних разговоров сняли бы с поезда и посадили в тюрьму для особо опасных преступников.

В аптеке она достала зеркальце.

«Дорогая, ну и вид у тебя!»

И хотя в отражении была всё та же тридцатидвухлетняя Вероника со строгими правильными чертами и прозрачной бледностью кожи, мисс Бёрч недовольно покачала головой. Её волосы жаркого каштанового цвета растрепались и казались в ту минуту совсем тусклыми, словно перенесённый ужас отразился и на них.

Жалко было новое пальто из верблюжьей шерсти. Оно не очень тёплое для зимы, но так хорошо сидело и вообще...

Так что же делать? Звать полицию? Приедут ещё двое, ещё злее, чем этот тип...

Веронике отвлекла монотонная речь за спиной, она вспомнила, где находится, и обернулась. Здесь было многолюдно — двое молодых людей и продавщица. Один юноша — он был в очках — рассматривал витрину. Другой, повыше ростом, с кудрявой головой, стоял против женщины за прилавком. Кажется, он пытался с ней спорить.

Его голос звучал тихо, просительно, будто он говорил что-то постыдное. Тем не менее от Вероники не скрылся его чистый британский выговор, несомненно удививший и обрадовавший девушку.

— Но послушайте. Я *нуждаюсь* в этом снадобье. Вы *обязаны* продать его мне. Этот рецепт *должен* иметь силу во всех цивилизованных странах...

Худая сухонькая женщина стояла прямо, как австрийский штык, и на все просьбы твердила одно и то же:

— Zdravnik nima jugoslovanskega priimka¹.

Вероника кивнула сама себе:

«Первая вылазка за границу. Вот бедняга».

Кудрявый юноша сказал чуть громче:

— Я не понимаю. Пожалуйста, говорите по-английски...

— Извините, — обратилась к нему американка.

Её голос вспугнул британца, точно воришку.

— Эта леди объясняет вам, что вы должны сходить к местному лекарю и заплатить ему, чтобы он выписал вам рецепт.

— Ja, ja!² — продавщица довольно тыкала пальцем в сторону мисс Бёрч.

Молодой человек с отвисшей челюстью долго смотрел на Веронику. На вид ему было лет двадцать. Русые волосы торчали над округлым добрым лицом и тревожными мечущимися глазами. Почти наверняка из хорошей британской семьи — чувствуется воспитание.

Придя в себя, он закрыл рот и весьма неуверенно, но обиженно заявил:

— Но так *не должно быть!*

— Чужая страна — чужие законы. Меня вообще — если вас это утешит — с момента прибытия преследует один человек, весьма похожий на головореза, — дружелюбно поделилась Вероника. — Кажется, он хочет отобрать мою камеру.

Глаза юноши, беспокойные и без того, застыли в недоумении.

Нет, он слишком неуверен в себе. А ведь мисс Бёрч надеялась, что сможет ненадолго обзавестись компанией

---

¹ У доктора не югославская фамилия (*словен.*).

² Да, да! (*словен.*)

в его лице, и, возможно, это отбило бы у ожидавшего её негодяя мысли о разных глупостях.

Но, похоже, парень сам нуждался в опеке.

Вероника махнула рукой:

— Не обращайтесь внимания. Может, я смогу вам помочь? У меня целая аптечка всего на свете, правда, в отеле. Везде с ней езжу и бед не знаю. Что вам требуется?

Молодой человек нахмурился.

— Позвольте, — мисс Бёрч потянулась к его руке, нервно сжимавшей листок с рецептом.

— Не стоит! — рука с листком нырнула в карман пальто. — У меня... болит зуб.

— В таком случае, я могла бы дать вам обезболивающее. Или, если боль не сильная, могу посоветовать раствор из соды и соли. Наверняка в вашем отеле найдётся...

Молодой человек выскочил из аптеки.

Выражение досады, тихого отчаяния на его лице какое-то время маячило перед глазами Вероники, словно повиснув в воздухе.

— Gumbov ne prodajamo¹, — сухо сказала продавщица, уставившись на пальто девушки.

Мисс Бёрч сообразила, что лишилась пары пуговиц, пока совершала захватывающее турне на животе по заледеленым камням.

Да, стоило вызвать полицию. Приключения хороши, пока за вами идёт ангел в белом, а если он в чёрном и грязном... Впрочем, попытка установить контакт с продавщицей тоже провалилась — та уже равнодушно отчалила в другой конец прилавка к посетителю в очках.

---

¹ Мы не торгуем пуговицами (словен.).

Отвернувшись к окну, Вероника обнаружила две новости: пошёл снег, который она так любила, и куда-то исчез её головорез.

ГЛАВА 2

А в антикварной лавке, что ютилась на той же улочке, мисс Эмили Нортон пыталась купить деревянные часы в виде скворечника. Пожилая пара, владевшая магазином, упиралась в цене. Если походная сумка и удобные современные брюки ещё могли сбить с толку, то обувь на тонкой подошве и неумение стоять на своём выдавали в мисс Нортон новоиспечённую туристку с потрохами.

— Последние, что мы сохранить, — уверял мужчина. — Остальные — бух! — он хлопнул в ладони. — Война!

Его громкое грассирование в сочетании с сильным акцентом производило на слушателя магически устрашающее воздействие.

Эмили Нортон растерянно глядела на часы. Механизм работал ладно, что было продемонстрировано, но эти трещины на крыше и у основания домика...

— Да, вещь красивая, — неуверенно звучал голос мисс Нортон. — Хотя тут трещины...

— Где? Вот эти? Разумеется, есть трещины! Но очень-очень старые!

— И вот тут, кажется, не хватает одной птички...

— Ах, не хватать маленькая птичка! Милая мисс! До войны — бух! — мы ездить далеко, смотреть пирамиды. Сфинкс — бух! — нет носа! Там, где должен быть нос, — ничего нет! А мы платить за весь сфинкс, и за нос тоже! А пирамиды — много камней, много-много старых камней! Трещины, дыры, пыль, песок. Словно там — бух! —

война! Но вы должны много платить, *много-много* платить, чтобы видеть сфинкс без носа...

Он потёр указательный палец о большой.

Мисс Нортон была пристыжена.

— Конечно, вы правы. Со временем всё только дорожает. Я просто боюсь, что в дороге часы могут треснуть сильнее...

Сидевшая за кассой хозяйка не выдержала:

— Мисс!

Её кулак обрушился на крышу скворечника, словно молот аукциониста. Покатилось эхо.

— То је hrast!¹ — прозвучало, как «Продано!».

Теперь, после того, как дерево каким-то чудом не разлетелось в щепки, Эмили Нортон была повержена.

Мужчина полез под прилавок за картоном, обнажая дёсны в самой дружелюбной улыбке, на какую был способен.

— Упаковка — бесплатно!

Что ж, считала мисс Нортон, она сделала всё, что могла. А ведь и правда: дереву в часах должно быть не меньше ста лет, к тому же какой-то редкий местный производитель, а она так по-глупому себя повела, решив возражать. Но ведь её сестра учила — за границей нужно торговаться, а её сестра всё знает лучше.

Трогательная, милая, молодая — первое, что приходит на ум при виде Эмили Нортон. Воплощение бедной родственницы, почти библейское (если бы в Библии писали про младших незамужних сестёр).

Впрочем, писательница детективов Вероника Бёрч с порога дала иное определение мисс Нортон — хроническая старая дева. И даже несмотря на то, что Эмили Нор-

---

¹ Это дуб! (словен.)

СМЕРТЬ НА ФУНИКУЛЁРЕ

тон было всего двадцать восемь лет, на которые она и выглядела.

В свою очередь Эмили, едва зазвучал колокольчик над дверью, не могла поверить своим глазам — в магазин вошла обожаемая ею писательница.

— Извините, — сказала Вероника, стряхивая с головы снег, — можно ли вызвать полицию?

Из рук продавца едва не выпал столетний дуб. Его жена встала со стула.

— Policija? Tukaj? Št! Nobene policije! Kaj za?¹

— Понимаете, я стала жертвой возмутительного преследования, и...

— Мисс Вероника Бёрч! — не сдержалась Эмили. — Вы? Здесь? Это невероятно!

Как всегда, всё решил случай. Вероника привыкла наткаться на поклонников в самых укромных уголках планеты, а среди поклонников, знала она, нередко были хорошие рабы и защитники.

Вероника улыбнулась в ответ и спросила:

— Вы путешествуете одна?

— О нет! Боюсь, сама бы я уже давно потерялась где-нибудь ещё по дороге, выпала за борт или ещё что! — взволнованно зашебетала Эмили. — Я со своей старшей сестрой и её семейством. У них с Джоном трое детей, и я, можно сказать, свалилась на них четвёртым ребёнком.

Вероника поняла, что с определением «старой девы» попала в точку. Она улыбнулась ещё раз и поглядела на часы, которые были почти упакованы.

— Вы уже расплатились?

— Ой, что же я стою...

---

¹ Полиция? Здесь? Нет! Никакой полиции! Зачем? (словен.)

— За сколько вы их берёте?

Эмили, копошась в большой сумке в поисках кошелька, назвала цену.

— Вы с ума сошли! — Мисс Бёрч повернулась к пожилой паре: — Я сама заплачу за эти часы, но вдвое меньше.

У женщины за кассой вмиг посерело лицо. Продавец, вероятно решив, что неправильно расслышал, спросил:

— Вы хотите купить часы? Невозможно. Эта милая мисс покупать часы.

Вероника одарила их усмешкой и, подхватив под руку Эмили, повела её на улицу.

— Мисс Бёрч, я...

— Вам нужно набраться опыта, дорогая, — говорила Вероника, словно старшая гейша давала наставления начинающей.

Они стремительно удалялись от лавки.

— Но как же...

— Подождите несколько секунд. Увидите.

По улице тихо сыпал снег. Через несколько секунд Эмили Нортон услышала далеко за спиной колокольчик. Продавец кричал им с крыльца магазина, и, что примечательно — куда-то делся его экзотический грозный акцент.

Вероника посмотрела на свою спутницу.

— Вы — волшебница! — заявила та.

— Ничего особенного. Мой отец владеет сувенирной лавкой. Он всегда изображает полнейшее непонимание, когда с ним пытаются торговаться на английском туристы из Японии. Ну что, заберём ваши часы?

Они рассмеялись. Через пять минут, неся увесистый пакет с одной стороны, а с другой держа под руку мисс

Бёрч, Эмили охотно делилась подробностями своего первого в жизни вояжа.

Итак, ей было двадцать восемь. Работала массажисткой, в войну — медсестрой в госпитале. Они со старшей сестрой, её мужем и их тремя детьми добрались сюда на круизном лайнере «Королева морей». Корабль остановился в Триесте. До этого они посетили Венецию — удивительное зрелище зимой! — а до этого был Марсель — тут впечатлений меньше, но вот Барселона — другое дело! Конечно, покрытые снегом города так или иначе похожи друг на друга, но в одних тебе уютно, а в других — совсем нет. Говорят, зимняя Москва очень неуютная. Эмили боялась, что в Югославии будет так же. Век живи — век учись. Югославия — восхитительна! Зимой это словно сказочное королевство! В детстве, помнится, её любимой книгой была та, где вместо привычных страниц были объёмные силуэты из картона. Там был замок на горе в самом центре, а вокруг него — деревня, и всё было покрыто снегом. Всё здесь так похоже на те картонки...

Вероника, не без удовольствия внимая потоку речей (они, безусловно, успокаивали), то и дело озиралась по сторонам. Уже стали встречаться прохожие, но у злобно-незнакомца, по-видимому, появился новый объект преследования.

Через некоторое время они вышли к реке, и там, окончательно почувствовав облегчение, Вероника вынула из сумки камеру. Эмили в тот момент восторженно вешала о красотах Каннареджо¹.

— Только взгляните на этого дракона, — вклинилась мисс Бёрч в описание статуи Мадонны, когда-то украшав-

---

¹ Район Венеции.

шей огород скульптора¹. — Давайте вы встанете рядом, а я вас сфотографирую.

Эмили послушно перебежала дорогу и замерла прямо под крылатым змеем на постаменте. Вероника, сделав кадр, присоединилась к спутнице на мосту, и теперь они не спеша двигались к правому берегу Люблиницы.

— Боюсь, я вас утомила, — сказала Эмили Нортон.

— Вы — глоток воздуха, дорогая.

— Вы так добры, купили мне часы, хотя впервые меня видите.

Мисс Бёрч остановилась, чтобы сделать снимок очередной утки. Когда заслонки камеры щёлкнули, она сказала:

— Деньги нужны, чтобы их тратить, а денег у меня много, — она улыбнулась.

— И вы их заработали честным трудом.

— Да, но что толку, если нельзя купить то, в чём поистине нуждаешься.

— Вы правы. Нельзя купить любовь.

Вероника остановилась, Эмили сделала то же самое. Писательница посмотрела новоиспечённой знакомой в глаза.

— Я говорила о вдохновении.

Мисс Нортон кивнула:

— О... Конечно... Какая же я недалёкая!

Вероника возразила:

— Вы человечнее меня. Любовь — прерогатива людей с сердцем.

— Я уверена, у вас большое сердце!

---

¹ Имеется в виду Огородная Мадонна — одна из достопримечательностей Каннареджо.

— Боюсь, я помешана на работе и больше рассуждаю как стратег.

— Но неужели вы совсем не хотите замуж?

— Вот этого я с детства боюсь. Мои родители развелись давным-давно. И вообще, знаете, я ещё не видела хороших браков. Я предпочитаю *независимость*.

Мисс Нортон посмотрела на своего кумира с нескрываемым обожанием, как преданный щенок на хозяина. Да, в свои молодые тридцать два года Вероника Бёрч воплощала собой самые передовые феминистские настроения.

— Кроме того, — добавила она, — *счастье не вдохновляет*.

Американка посмотрела в сторону и, вздохнув, сказала:

— И меня занесло сюда, потому как я, видите ли, в поисках вдохновения. Почему сюда? Сама удивляюсь. Югославия всегда оставалась для меня загадкой. Но я никогда не ищу логику в своих порывах — так можно и с ума сойти. Я придерживаюсь этого правила и в отношении других. Например, до сих пор не знаю, что такого в моей первой рукописи нашло то издательство, что взялось её опубликовать. Мне было семнадцать, и я была ошеломлена, ведь я и подумать не могла, что кому-то может понравиться моя писанина.

— «Смерть под воздействием гипноза»? О, я нахожу эту книгу гениальной! — поделилась Эмили.

— Но, дорогая, — ласково усмехнулась Вероника, — вы, конечно, понимаете, что это всё неправда? Нельзя на расстоянии трёхсот метров заставить совершенно здорового человека взять и заколоть себя кинжалом.

— О... разве... нельзя? — Казалось, это открытие повергло мисс Нортон в шок.

— Разумеется. Многое я почти от скуки просто высосала из пальца. А книга в итоге разлетелась как горячие пирожки. С тех пор я клепаю эти истории как заводённая машина. Они развлекают народ, они нужны, но только как фастфуд. Честно говоря, я устала быть машиной. Хочется хоть раз написать о том, что происходит в *реальной* жизни. О том, что не противоречит законам физики и логики. Но не хочется быть банальной. Простое бытовое убийство на почве ревности или денег — тоже не выход.

Вероника Бёрч вздохнула, помолчала с минуту. И сказала:

— Я хочу найти что-то такое... такой мотив для убийства, который бы запрятался куда-то в абсолютнейшую глубину человеческой натуры и при этом, чтобы он был... на поверхности.

Эмили Нортон сжала руки на груди и потрясённо уставилась на писательницу.

— Но я всё больше прихожу к выводу, что эта вроде бы простая задача оказывается мне не по зубам. Увы, богатое воображение — ещё не признак острого ума.

— Мою сестру хотят убить...

Слова Эмили прозвучали ясно и тихо, словно она была под гипнозом.

Брови мисс Бёрч удивлённо приподнялись. Она спросила:

— Вашу сестру? Кто же хочет её убить?

Но Эмили Нортон не была готова ответить сразу. Её внезапно охватила дрожь, стало переполнять какое-то чувство.

Что это было? Тревога? Отчаяние? *Злость*?

Вероника, глядя на мисс Нортон, не могла выбрать.

Наконец, стараясь, чтобы голос звучал ровно, Эмили сказала:

— Вы очень опытная путешественница, мисс Бёрч. Вы согласны со мной, что длительная поездка в чужую страну рано или поздно обнажает те наши качества, что мы пытаемся скрыть от других? Как будто мы вдруг, сами того не желая, становимся прозрачными для всех и наша суть выходит наружу.

Вероника призадумалась.

— Вы ведь имеете в виду что-то вполне определённое?

Эмили кивнула.

— Я никогда не путешествовала до этого времени. А сейчас такое ощущение... будто я и не знаю, *кто эти люди*.

— Понимаю. Да, такое случается. Пожалуйста, расскажите мне о ваших родственниках.

— Прежде всего я хочу рассказать вам о Тамаре, моей старшей сестре. Она — главный человек в моей жизни. Пускай я говорю банальности, но, мисс Бёрч, Тамара в самом деле уникальная личность. О таких говорят «штучный товар». Настоящая красавица, умница, обладает блестящими организаторскими способностями, но самое важное в ней то, мисс Бёрч, что она — добрейший человек на целом свете.

— Тамара... Какое редкое имя, — в голосе Вероники послышались новые нотки, как будто ей открылся захватывающий доселе невиданный вид с горы.

— Такое же редкое, как и сам человек. Это правда. Тамара всегда печётся обо всех вокруг. Её все обожают.

— Все? — вернулась со своей мысленной горы Вероника. — Но вы говорили...

— Да, я так думала. До этой поездки. А теперь вижу — люди вокруг всегда использовали её и продолжают использовать. Конечно, нехорошо такое говорить о собственных племянниках и зяте...

— В каком плане используют?

— Живут за её счёт. Умирая, наш отец оставил ей акции как самой сообразительной из нас. Акции тогда падали в цене, но Тамара ими правильно распорядилась, и теперь никто из членов её семьи ни в чём не нуждается.

— Но в таком случае, зачем же кому-то из них убивать Тамару?

— Дойную корову, вы хотите сказать, не убивают? Но деньги в случае её смерти остаются в семье, Тамара не составляла завещания. Она искренне любит свою семью.

— Всё унаследует муж?

— Да. Всё унаследует Джон.

— Сколько лет вашим племянникам?

— Коннору двадцать, Леонарду скоро восемнадцать, Мэри пятнадцать...

— Но, дорогая, они ведь ещё дети!

— Конечно, они дети... И они замечательные дети, я их очень люблю, как своих...

Эмили тяжело вздохнула.

Вероника взяла её за руку.

— Дорогая, я понимаю, о чём вы. Семейные дразги чаще всего выходят наружу в поездках. Но ссора, как мне видится, ещё не повод для убийства.

— Конечно, нет. Вы правы, — кивала Эмили. — И всё же... В последние дни я остро ощущаю, как сгущается чувство открытой ненависти вокруг Тамары. Знаете, мне ча-

сто снятся покойные родственники. Можете в это не верить, но однажды, когда после смерти нашей тёти мы долго не могли найти в её доме одну ценную фамильную вещь, ко мне во сне пришла сама покойница и рассказала, что спрятала ту вещь за платяным шкафом. На следующий день мы отодвинули шкаф и всё нашли. Я хочу сказать, что я каким-то образом чувствую... Как голый нерв...

Пока мисс Нортон говорила, Вероника впервые наблюдала за её лицом с профессиональным интересом. Любая новая эмоция, сменявшая предыдущую, преображала это лицо так, что казалось, каждый раз говорил совершенно другой человек. И только в покое лицо было невыразительным, как белый лист.

— А Джон... не хочу говорить гадостей, не хочу...

— И не нужно.

— Я слишком люблю свою сестру...

— И потому принимаете её выбор.

— Всегда принимала любой её выбор. Даже Джона. Ему сорок три, а он всё играет.

— Скачки?

— Нет, если бы. Пытается строить из себя главу бизнеса, но его дело приносит исключительно убытки. Тамаре каждый раз приходится его выручать. До сих пор спонсирует все его причуды.

— Значит, вы в первый раз путешествуете?

— Да, это впервые.

— И инициатором поездки была ваша сестра?

Эмили кивнула.

— Она сама предложила мне поехать с ними. Я бы никогда не стала навязываться.

— Разумеется.

— Просто несправедливо, — мисс Нортон достала платок и вытерла нос. — Тамара всех пытается сделать счастливыми. Она так любит Джона и их... чудесных детей. Но что она получает взамен? Об неё просто вытирают ноги! Эти люди так *неблагодарны!*

Взгляд мисс Бёрч соскользнул с лица Эмили Нортон и устремился вдаль. В нём было сомнение, почти недоверие.

«Красива, умна, добра, печётся обо всех и главным образом о муже и детях».

Она поморщилась, будто среди слов попало одно горькое. Её губы еле слышно прошептали:

— Сама напрашивается, чтобы кто-то её замочил...

— Что вы сказали? — не расслышала Эмили.

— Ерунда, писательский цинизм, не обращайтесь внимания.

— А, да, конечно.

Вероника поглядела на свою камеру.

— И всё-таки, почему вы думаете, что кто-то из членов семьи желает смерти вашей сестре?

Эмили Нортон ответила, не раздумывая:

— Чутьё. Я вам уже говорила про тётю.

— Да, но всё же...

— А несколько дней назад из моей аптечки пропал веронал!

— И вы считаете...

— Мисс Бёрч, я допускаю, что бываю невнимательна, рассеянна. У меня случались промахи — несерьёзные, слава богу, — когда я работала в госпитале. Поэтому после войны я выбрала профессию массажистки. Мои руки всегда у меня на виду, и потерять или перепутать что-то в таком положении просто невозможно.

— То есть вы допускаете, что вполне могли потерять лекарство.

— Да, я это допускаю. Но чутьё, мисс Бёрч, меня никогда не подводило. Моей сестре грозит опасность.

ГЛАВА 3

Вероника Бёрч спросила:

— Что вы намерены делать?

— Я не знаю, могу ли я что-то сделать. Ведь есть вероятность, что коробочку с порошками я просто оставила в каюте на полке, а нервное напряжение в семье — просто нервное напряжение, и ничего больше.

— Вы не пытались поговорить об этом с Тамарой?

— Что вы! Не хочу, чтобы она волновалась на этот счёт. У неё и так здоровье слабое.

— Вы правы.

— Представляю, какой душой я вам кажусь.

Мисс Бёрч коснулась плеча Эмили.

— Дорогая, меня со вчерашнего дня преследует человек с лицом бандита. Я сегодня убежала от него, поскользнулась и стесала всё пальто, пока летела на животе по заледенелым камням. Ну и кто из нас после этого дура?

— Какой ужас! — вырвалось у Эмили.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Вероника сказала:

— Давайте уйдём с моста. При всей романтике есть в этих драконах что-то устрашающее.

Эмили поёжилась и кивнула.

Мисс Бёрч спросила:

— Вы замёрзли?

— О нет, нет.

— Давайте я сменю вас и понесу часы.

— Ну что вы!

Через мгновение, когда пакет с часами уже перебрался под мышку верблюжьего пальто, две молодые женщины оказались на рыночной площади, заставленной палатками.

Мисс Нортон прокомментировала:

— Вот, оказывается, где у них все люди!

Не сказать чтобы жизнь прямо кипела здесь, но наличие пары рядов с прилавками и спящих вокруг них местных жителей не могло не радовать. Веронике хотелось запечатлеть эти мгновения. Она поставила тяжёлую ношу на припорошённую снегом брусчатку и выбрала несколько ракурсов площади, сделав в каждом по кадру.

Рынок, однако, не вызвал чувства сказочности из детских картинок у Эмили Нортон. Кое-где она заметила грязь, не успевшую скрыться под февральским снегом, и подумала о родной Англии — попыталась вспомнить, выкинула ли перед отъездом мешки с мусором или те так и оставались позорно стоять у парадной двери.

Да уж теперь ничего не исправишь. И Эмили, чтобы отвлечься, спросила:

— Вы уже поднимались к Граду?

Вероника, не отвлекаясь, ответила отрицательно.

— А не хотели бы сходить туда?

— Не уверена, что сегодня на мне обувь, подходящая для восхождения.

Эмили с пониманием кивнула.

— В конторе Кука нам сообщили, что в замке сейчас проживают бедные семьи. Уникальное место, должно быть, правда?

На последнем слове в неё нацелилась камера Вероники, заслонки щёлкнули, поймав мягкое растерянное вы-

ражение лица девушки. Эмили поспешила опустить взгляд на наручные часы. Господи, ну и гримаса же выйдет на снимке!

— Знаете, — сказала она, — мы договаривались встретиться с Тamarой и Джоном на холме через час. Если только они вовремя вернутся с экскурсии по пещерам...

— Я непременно должна там побывать, посмотреть на виды города, — заявила вдруг Вероника. — Завтра я отправляюсь в Птуй, так что другой возможности у меня не будет.

— Как жаль! Впрочем, сегодня вечером мы уезжаем в Блед, а потом в отель «Мамонт» кататься на лыжах. Подумать только, я буду кататься на настоящих лыжах! Ах как жаль, — повторила Эмили, — да, очень жаль, что мы только сегодня встретились.

Вероника ответила улыбкой и добавила:

— Но прежде, чем покорять снежный Град, зайдём кое-куда. Я заметила, что вы прихрамываете.

Быстро отыскалось и подходящее место, где две женщины смогли отвести душу и вдоволь покапризничать, примеряя все имевшиеся модели обуви. Эмили давно так не веселилась. Видела бы Тамара, какое фатальное отчаяние постепенно рисовалось на изначально чёрством лице продавщицы! После нескольких смущённых протестов Эмили всё же дала согласие на покупку для неё пары современных и удобных ботинок. Затем последовал горячий чай с выпечкой в кафе на Старой площади.

— Вы — мой ангел, — промолвила Эмили.

Неудобную ношу в виде часов хозяин кондитерской любезно разрешил оставить ему на хранение. Более того, отказался брать деньги за еду.

— Потом, — решительно настоял он.

Что бы это ни значило, обе девушки были рады избавиться от поднадоевших часов.

Теперь, согревшись и подкрепив силы, они отправились вверх по тропке, петлявшей по склону холма, на котором стоял замок. Ступать приходилось крайне осторожно, на протоптанной дорожке местами встречались обледенелые ступеньки, и сверху под чьими-то ногами то и дело срывались комья снега.

Минут через двадцать, включающие остановки для восстановления дыхания и попутные любования видами, две молодые туристки оказались на верхнем пяточке перед входом в Град. Поодаль у стены средневековой крепости стояли и о чём-то болтали мужчина и совсем юная девушка. Эмили помахала им рукой, но ответной реакции не последовало.

— Должно быть, не видят, — прошептала она.

Вероника глядела в противоположную сторону и с упоением любовалась открывшейся панорамой города.

Кружил снег. В здешнее умиротворение проскальзывали грубые звуки рынка, они долетали сюда с тихой нежностью. Вдалеке покоился хребет Юлианских Альп.

— А вот и Тамара!

Вероника в тот момент щёлкала камерой виды. Когда она повернулась, где-то вдалеке зазвучал церковный колокол, и его раскатистое эхо — какое-то печальное, монотонное — вдруг заполонило собой всё вокруг. И тишина стала тревожной, обречённой.

Именно так Вероника Бёрч описала бы в романе свою первую встречу с Тамарой Робинсон. Ощущение или даже предчувствие надвигающейся стихии — вот что схватило Веронику за горло. Её писательский организм привык по-своему реагировать на уникальную личность поблизо-

сти. Возможно, считала она, людям не творческим этого не дано понять.

Но всё-таки... Да, она не ошиблась. Ещё час назад чутьё подсказывало, что с Тамарой — с той, что явилась внизу на мосту Драконов, когда Тамара была лишь *именем*, произнесённым её сестрой, — следовало познакомиться.

Вероника знала, что жертва — всегда ключ к личности её убийцы. А познакомиться с жертвой в реальности Веронике ещё никогда не доводилось. Сколько же вариантов прикинул её пытливый мозг, пока она фотографировала рынок, пока выбирала обувь для спутницы, пока пила чай, пока взбиралась на холм...

Ничего общего с теми образами не представляла собой женщина, которая сейчас двигалась по направлению к ним.

У неё были светлые волосы и правильные аристократические черты лица — лица страстного, подвижного, живого. В тот момент оно дышало радостным нетерпением. Миссис Робинсон была женщиной не первой молодости — выглядела она лет на сорок. На красивые сорок. На ней было светлое монтгомери¹ и того же оттенка сапоги на маленьком каблуке — всё скорее практичное, нежели эффектное. Но на Тамаре эти вещи смотрелись прежде всего эффектно.

Да, несомненно, к ним плыла светловолосая королева Тамара. Её большие зелёные глаза сразу увидели обувь Эмили.

---

¹ Классическое пальто с капюшоном, дафлкот. В Великобритании дафлкот также называют термином *monty coat* — по прозвищу британского фельдмаршала Бернарда Монтгомери, часто носившего такое пальто.

— Какие красивые! Очень модные! Может, и мне туда заглянуть?

Голос у неё был низким и мягким, с чисто девонширским протяжным произношением.

Эмили представила сестре Веронику Бёрч.

Миссис Робинсон протянула руку и улыбнулась.

— Какая честь для нас, мисс Бёрч. У вас необыкновенный цвет волос. Это так благородно с вашей стороны взять под крыло мою непутёвую сестру. Мы вам очень обязаны.

Вероника — всего на мгновение — вдруг ощутила себя блёклой и некрасивой. Что, разумеется, было неправдой.

Вслух Вероника сказала:

— Ваша сестра говорила о вас с такой любовью, она очень предана вам. Сейчас нечасто встретишь такие семейные привязанности.

Что-то в её словах взволновало Тамару.

Она развернулась и крикнула:

— Джон! Мэри! Идите сюда! Ах, не слышат! Эмили, приведи их! Что они там стоят?

Когда младшая сестра ушла с поручением, Тамара горячо заговорила:

— Мой муж не любит Эмили. Считает её глупой, необразованной. Ему всякий раз стыдно за неё. Она, конечно, дальше своей деревни не бывала нигде, но у неё доброе сердце.

Вероника мягко сказала:

— Она у вас замечательная.

— Ну а сегодня за завтраком был финальный аккорд: Эмили сказала какую-то глупость, совсем безобидную, а Джон распахнулся. Нам пришлось разделить на некоторое время. Мальчишки должны были охранять Эмили в городе — она запросто могла потеряться, но, видно,

они всё-таки её бросили и пропали куда-то по своим делам. А мы с Джоном и Мэри отправились в эти пещеры...

Миссис Робинсон осеклась и посмотрела через плечо. Затем с лёгкой грустью сказала:

— Лучше бы я осталась с Эмили и нормально, *без нервов*, провела время.

Вероника спросила:

— Вам не понравились пещеры?

— Ну, сами пещеры тут ни при чём. Всё дело в гиде. Я долго не могла избавиться от мысли, что он неправильно рассчитал стоимость экскурсии на двоих взрослых с ребёнком. Он не сделал скидку, которую предусматривал их рекламный проспект. Где-то в середине этих пещер я решила сказать об этом gidу. Он начал возражать, спорить, а Джон вместо того, чтобы поддержать мои справедливые требования, начал кричать на меня.

— Интересно, за что?

— Ему, видите ли, стало стыдно за меня, что я такая мелочная, что я затеяла скандал на ровном месте. А человек старается, водит нас, рассказывает всякие интересные факты, о которых я, глупая, по его словам, женщина, ничего не знаю.

Вероника сочувственно покачала головой.

— А я просто не хочу, чтобы меня дурили, — с жаром добавила миссис Робинсон. — Они видят: «Ага, богатенькие приехали, ну сейчас мы их разденем, как полагается». А я не хочу, чтобы из меня качали деньги.

— Это неслыханно, — вставила мисс Бёрч.

— Во-от! А Джону, видите ли, стыдно за меня. Нет, чтоб хоть раз заступиться — нужно накричать на меня. Я всё говорю не так, я всем всегда мешаю. Почему из меня постоянно делают какого-то монстра!

Тамара Робинсон вздохнула и перевела взгляд на горы вдалеке.

— Какая красота, правда? Удивительные места, — сказала она, словно перед этим не произнесла своей гневной речи. — А вы одна?

Вероника ответила, что одна.

— Какие у вас планы? Куда вы направляетесь?

— Я еду в Блед, — улыбнулась мисс Бёрч.

— Ой, слава богу! Мы тоже. Хоть будет с кем нормально пообщаться. Говорят, на свете нет другого такого прекрасного места.

Вероника кивнула:

— Я как раз на это рассчитываю. В смысле, пообщаться.

Она разобралась быстро: Тамара была в лёгкой форме интриганка. Очень доброй, очень светлой, совершенно безобидной... Но могла ли она *в самом деле* быть потенциальной жертвой?

В любом случае, здесь был материал для работы, и Вероника намеревалась выжать его по максимуму. К тому же названия Птуй и Блед звучали для неё так странно и многообещающе...

Эмили привела Джона и Мэри.

Джон Робинсон был высоким мужчиной с орлиным носом и редющими тёмными волосами, в которых пробивалась седина.

Он дружелюбно поинтересовался делами мисс Бёрч. Голос у него был мягкий, с хрипотцой, манера речи располагала к общению. В нём было некоторое обаяние. Однако представить его в гневе труда не составляло. Во всяком случае Вероника с ходу почувствовала, что во всей семье словно оголены провода и в любой момент может

произойти короткое замыкание где угодно из-за пустячной мелочи.

Мэри была худой и довольно высокой девушкой. Она поздоровалась сквозь зубы, затем встала в стороне ото всех. Костистые плечи её сутулились, длинные руки сцепились на груди. По всем признакам Мэри пребывала не в духе. У неё была интересная внешность, непохожая ни на одного из родителей. Длинные песочного оттенка волосы, миндалевидный разрез голубых глаз. Ещё немного, и она расцветёт даже вопреки своей колючести.

Миссис Робинсон вдруг сказала:

— Так, у нас сейчас какие планы?

Те, кто знал Тамару Робинсон, понимал: вопрос не был нацелен на кого-то в частности, скорее это был вступительный оборот перед объявлением общих действий.

— Эмили, ты не против вернуться в гостиницу? У меня боли в пояснице и ноги отекли.

— Конечно, я сама хотела предложить...

Тамара обратилась к Веронике:

— Эмили делает волшебный массаж. Вы должны его испытать на себе. Да, Эмили, мисс Бёрч едет с нами в Блед. Ты ведь сделаешь массаж мисс Бёрч?

— Разумеется, с огромной радостью...

Миссис Робинсон кивнула, но всё равно была чем-то озадачена.

— Так, а где же мальчишки?

Джон Робинсон — он только что закурил — резко сказал:

— Оставь их в покое. Пусть немного развеются.

— Да пожалуйста, пожалуйста...

Тамара кинула заговорщический взгляд на Веронику.

— Вот, опять во всём виновата я, — негромко сказала она ей.

По пути обратно с холма миссис Робинсон жаловалась на ревматизм, её дважды охватывало головокружение, и приходилось делать остановки.

Оказавшись в своём гостиничном номере, Вероника Бёрч достала маленькую записную книжку с веленовой бумагой в переплёте из чёрной кожи, какая наверняка нашлась бы у практикующей ведьмы, и сделала запись:

Тамара. Страдает лёгкой паранойей в сочетании с ипохондрией. Тамары много. Вначале она вас очаровывает, а спустя некоторое время она поселяется в вашем мозгу.

Часть II

БЛЕД

ГЛАВА 1

В Блед было решено ехать вместе.

Вечером того же дня в уютном лобби Вероника Бёрч пила кофе. Её багаж был упакован, чемоданы стояли рядом. Лишь спустя полчаса после назначенного времени она наконец увидела через окно подъезжающие к парадному входу три комфортабельных автомобиля-седана. Вероника поспешила на улицу.

Джон Робинсон, энергично выскочив, разъяснил портье, что чемоданы следует класть в последнюю машину.

— Там только багаж и надутая Мэри. Мы с парнями в авангарде. Леди решили ехать отдельно.

Заднее окошко второго седана открылось, и миссис Робинсон крикнула:

— Мисс Бёрч, садитесь к нам на переднее сиденье!

Джон Робинсон посадил Веронику, затем раздал чаевые двум швейцарам.

С задних сидений, где расположились Тамара и Эмили, послышалось недовольное цоканье. Затем миссис Робинсон извинилась за опоздание и объяснила, что причиной их задержки стала лёгкая стычка между Джоном и Мэри.

— Но вы на неё не сердитесь, если что, — попросила Тамара.

Вероника удивилась:

— Мне? Сердиться на Мэри?

— Ну да, разумеется, ведь у неё такой противный возраст. А вы такая яркая девушка.

Возможно, думала Вероника, ей следовало сесть в другую машину, чтобы избежать подобного разговора. Впрочем, она сама напросилась *во всё это*.

Не меньше удивилась Эмили:

— Ты считаешь, Мэри ревнует? Она же отлично знает, что она и только она — главная любимица Джона.

Миссис Робинсон снисходительно кивала.

— Ну да, ну да. И этой любимице уже пятнадцать.

Тут она ловко переключилась на свои новые духи с ароматом вербены, купленные днём в городе.

— Приятные, правда? Сказали, что какой-то местный производитель, здесь это очень модный запах...

Однако Вероника уже не слушала.

Мэри и Джон. Могло ли это означать то, о чём она только что подумала? Нет, разумеется, не могло, решила Вероника.

Мэри и Джон? В её романе — возможно, но не в реальной жизни. Ох уж этот писательский цинизм... И тут она вновь вспомнила о пропавшем веронале.

Чушь какая-то.

Или не чушь?

Нужно успокоиться и привести мысли в порядок. Ведь очевидно, что всё очень просто.

Эмили Нортон слишком наивна, чтобы опираться на её суждения. Она, безусловно, не видит того, что видят другие, — что Тамара — какая дичайшая мысль для Эми-

ли! — *может раздражать*. Да, Тамара заботлива и участлива, но *слишком* заботлива, *слишком* участлива. Вероника и не сомневалась (она уже полдня об этом раздумывала): регулярные срывы Джона, нежелание детей быть с матерью — всё оттого, что Тамары слишком много. Она в их распорядке дня, она в их мнениях, в мелочах, она у них под кожей и в нервах...

«Дорогая, давай без громких слов. Посмотри лучше, как уютен и мягок этот уголок планеты, а как в нём комфортно должно быть летом...»

Но всё это ерунда. Человека не убивают только из-за того, что он кого-то раздражает.

Да. Эмили Нортон видит всё в ином ракурсе. Стоит ей объяснить? Нет, Вероника тогда станет врагом для неё. Вероника будет наблюдать. Да, самая выигрышная позиция. Только улыбаться и поддакивать. Иногда вставлять своё скромное мнение, которое, *конечно же*, будет совпадать с мнениями старшей и младшей сестёр. Иногда удаляться с глаз долой. В общем, так, чтобы не раздражать.

Вскоре огни города остались позади, впереди было ещё больше часа езды в крошечной тьме, пронзаемой светом фар.

Голос миссис Робинсон с заднего сиденья звучал всё реже, уступая пространство рёву мотора, и постепенно Вероника Бёрч, как и подобает бывалой писательнице, задумалась над тем, что ещё могло происходить в этой семье, помимо *очевидного*.

И только одна вещь тогда показалась ей достойной внимания. А может быть, это для *неё*, американки, мать-наседка — доброе, безвредное существо? А в книге так вообще — незлой, даже комический образ. А, может, для

холодных британцев тут серьёзный повод для убийства? И Эмили Нортон — истинная британка — это чувствовала?

Чем больше Вероника рассуждала, тем смехотворнее казались ей собственные мысли.

Интересно, что сейчас подделывает её головорез, тот преследователь?..

Было что-то неестественное в отношениях Джона с дочерью. Там, наверху, у стен Града. Или её писательское воображение снова что-то додумало?

Она обнаружила, что задремала, когда выяснилось, что они уже приехали. Стояла беспроглядная ночь, и горел только свет над входом в гостиницу. Началась возня с чемоданами, заселением...

С какой стороны было озеро и где были горы?..

Завтра, всё завтра...

Вероника Бёрч, подойдя утром к окну, чуть не вскрикнула! Перед ней лежало озеро, покрытое ослепительно-белым льдом, окружённое лесистыми холмами и горами. Вдалеке на отвесной скале виднелся средневековый замок. В глубине озера расположился остров, а на нём — церковь, её башня с колоколом торчала причудливо и гордо из заснеженных крон деревьев.

Вероника ахнула, не веря своим глазам. Это было граничашее с нереальностью зрелище, сказочное, романтическое и совсем неожиданное. Все мысли о вчерашнем исчезли вместе с усталостью. Часы показывали начало одиннадцатого. Как чудесно начинался новый день!

Отель «Сорока» представлял собой виллу во французском стиле. Он стоял прямо у дороги, за которой начиналось озеро, одна его сторона почти упиралась в подножие

холма. Веронике несказанно повезло занять последний свободный номер.

Помимо неё и Робинсонов, в отеле гостили только Палмеры — семейная пара, отдыхавшая в Блэде уже неделю и намеревавшаяся погостить там ещё столько же.

Сейчас они доедали свой поздний завтрак в столовой на первом этаже.

Ричард Палмер, высокий мужчина не то за сорок, не то под пятьдесят, курил трубку и читал свежую газету. Свежей считалась газета трёхдневной давности — столько требовалось экспресс-почте, чтобы доставить Палмеру его корреспонденцию из Америки.

— Ну это никуда не годится, — пробурчал он, читая о новом количестве убитых и раненых в корейской войне.

— Вот и я о том же! — поддержала его миссис Палмер, миловидная женщина лет сорока пяти, полагая, что муж, конечно же, слушал её всё то время, пока она мазала последний тост маслом и рассуждала о качестве постельного белья в их номере. — Нет, конечно, в агентстве я и не собиралась рассказывать о своих предпочтениях в области белья — только представь, как странно бы это звучало *там!* — и всё-таки, говоря о *качестве* предоставляемых услуг — а ведь качество — такое ёмкое слово, — так вот, в понятие качества *должна* входить и такая вещь, как мягкое — не грубое, не жёсткое, а *мягкое* постельное бельё. Разумеется, я не говорю, что нужен непременно шёлк — в конце концов, мы же не царственные особы или — упаси боже! — нувориши какие-то, мы — *обычные* люди. Самые простые.

— Бедные люди! — покачал головой мистер Палмер.

Он только закончил читать об ужасающих подробностях быта американских солдат в Корее.

Софи Палмер укоризненно взглянула на него:

— Ну ты тоже не слишком драматизируй, Дик. Мы *нормально* зарабатываем, и нам хватает на путешествия, на дом с садом и на *твою* экспресс-почту.

— И на твои туалеты, дорогая, — улыбнулся мистер Палмер, перелистывая газету.

Миссис Палмер сказала, строго сжав губы:

— Хорошо, что тебя не слышит миссис Фрейзер, уж она бы *наверняка* не стерпела такого едкого замечания от мужа, Дик. Подумай об этом. Подумай, *что* мне приходится порой терпеть.

— Бедняжка, — сочувственно произнёс Ричард Палмер, проглядывая статью о женщине, у которой после урагана не осталось крова.

— Теперь ты меня жалеешь. Мне приятно, что ты становишься чувствительным, Дик. После стольких лет брака мы наконец-то начинаем дышать одним воздухом. Кстати говоря, эти жареные колбаски из рубленого мяса просто объедение, я настаиваю, чтобы ты их всё-таки попробовал.

Она протянула вилку с наколотой колбаской. Мистер Палмер, прожевав, сказал:

— Недурно.

Он как раз изучал результаты матча по бейсболу, где играла его любимая команда.

Миссис Палмер посмотрела в окно.

— Просто удивительно, что Молли Пирсон не знала об этом месте. Ведь мы только и слышим: мистер и миссис Пирсон открыли такой дивный уголок в Греции; мистер и миссис Пирсон обнаружили такой уютный, а главное — *небольшой* отель на Сицилии. Что ж, похоже, настал черёд